

Глава 18. Судьба

Чёрная гора. Это слово я слышал снова и снова с тех пор, как приехал в степь.

Чэнь Сюань и Златовласый относились к приближению к цели с какой-то странной двойственностью. Они, без сомнения, были взволнованы тем, что напали на след, но чем ближе мы подбирались, тем осторожнее становились исследователи, а число сопровождающих их людей уменьшалось. Казалось, мужчины знали, что ответ открывается лишь тем, кто обладает достаточной силой и одержимостью.

После ухода чудовищной овцы мы снова сели. Стоило мне закрыть глаза, как перед внутренним взором тут же возникал её искажённый облик. Даже неподвижные предметы в палатке, казалось, подёргивались дрожащей дымкой. Ощущение было отвратительным. Желчь подступала к горлу, и меня начало мутить. Старина Чэнь сказал, что это последствие контакта, ведь я особенно чувствителен.

— Потеря сана, — заметил Лэнс. — Играл в «Don't Starve»? Когда падает рассудок, начинаешь видеть монстров.

В эту игру я не играл, да и на самого парня всё ещё злился за то, что он бросил меня на произвол судьбы. Если бы он не заслонил меня собой в тот момент, я бы, наверное, целый месяц не разговаривал с таким бессердечным человеком. А в нынешних опасных обстоятельствах это означало бы, что я, возможно, до самой смерти не проронил бы ему ни слова.

Но он заслонил меня. Станный он человек. Его невозможно ни возненавидеть до конца, ни полюбить всей душой. Подозреваю, он делает это намеренно.

Я всё же спросил его о потере рассудка, и Лэнс подробно объяснил мне игровую концепцию.

— На самом деле, это очень похоже на реальность, — сказал он. — Если ты долго сидишь в крошечной тьме, у тебя начинаются галлюцинации, ты становишься подозрительным. Со временем психика даёт сбой.

— Если бы в мире не было ничего вроде Чёрной горы, твои фантазии были бы просто самовнушением. Включил свет — и всё прошло. Но они существуют. И как только сознание даёт сбой, тонкая плёнка между ними и реальным миром даёт трещину.

— Трещина становится всё больше, ты видишь всё больше. Сходишь с ума. А потом теряешься, исчезаешь неизвестно где. Всё как в игре.

Мне не нравилось, когда он говорил об исчезновениях. Каждый раз от этих слов по спине пробегал холодок. Но сейчас нам больше нечем было заняться, кроме как сидеть в палатке и

разговаривать.

— Так что же такое Чёрная гора? — спросил я профессора. — Она живая?

— Это трудно определить, — ответил Чэнь Сюань. Лэнс лишь скривил губы.

По словам учёного, Чёрная гора походила на живой организм. Она «осознанно» создавала отвратительные и жуткие вещи, но при этом он не считал, что она обладает сознанием, подобным человеческому. Она просто следует неким законам, а порождаемые ею явления — лишь объективный результат их действия, не имеющий ничего общего с его субъективным восприятием.

— У законов нет добра и зла, — сказал он. — Нельзя сказать, что гравитация — это хорошо, а рак — это плохо. В краткосрочной перспективе некоторые законы действительно могут принести вред, но, возникая, они не осознают и не заботятся о своей природе. Они просто действуют.

Это напомнило мне что-то из школьного курса философии, о двойственности всего сущего.

Я поделился этой мыслью с собеседником, но он возразил.

— Так называемая двойственность — это тоже человеческая точка зрения, — терпеливо объяснил профессор Чэнь. — Сами по себе они не двойственны. Я не склонен связывать их сущность с человеческими оценками. Такой подход заставляет думать, что можно использовать их «хорошую» сторону и избегать «плохой», но на самом деле это невозможно. Понимаешь?

Я ровным счётом ничего не понял, но кивнул.

— Понял, — сказал я.

Видимо, моё непонимание было написано у меня на лице. Чэнь Сюань едва заметно улыбнулся и поправил случайно сдвинутый мной хирургический лоток из нержавеющей стали.

Мы ещё немного поговорили о Чёрной горе. Профессор придерживался мнения, что она — не живое существо и не обладает сознанием, но следует определённым законам. Златовласому же было всё равно, что она из себя представляет; его больше волновало, как противостоять её влиянию.

— А как ты узнал обо всём этом?

Я вдруг вспомнил, что историю Чэнь Сюаня я уже знаю, а этот парень теперь казался ещё большей загадкой.

— Я не узнал, — равнодушно бросил Лэнс. — Я с рождения знал.

Я хотел было спросить ещё, но он, словно прочитав мои мысли, сам начал рассказывать.

Он с детства боялся открывать любые двери, за которыми не было видно, что находится внутри, — будь то подвал, шкаф или комната. Не желал подниматься по лестницам, если не видел следующей площадки, и не осмеливался заглядывать в темноту под кроватью. Если кто-то пытался занести его в комнату, он начинал кричать и плакать, выказывая дикий ужас.

Его семья была очень богатой. Они возили мальчика по бесчисленным больницам и клиникам, но все специалисты в один голос твердили, что ребёнок здоров. Более того, его интеллект значительно опережал сверстников.

Родные не знали, что и думать. У них в роду не было верующих, но они даже прибегали к услугам экзорцистов, правда, без особого успеха. Он по-прежнему кричал по ночам, стоило выключить свет. Мальчик довёл до увольнения четырёх нянек, которые жаловались, что он «кричит, указывая в пустой угол».

Забота о таком «особенном» ребёнке отнимала у его семьи массу сил. И дело было не только во времени, но и в чувстве безысходности от того, что сыну не становилось лучше. Это было настоящим мучением.

В конце концов, они почти оставили попытки его вылечить, лишь изредка давая ему успокоительное, когда приступы становились особенно сильными. А через четыре года у него родилась сестра.

— Наверное, дело было в развитии мозга. К тому времени он, видимо, созрел, и я кое-что понял, — Лэнс говорил без тени эмоций, словно рассказывал чужую историю. — Я понял, что они с самого моего рождения не видели того, что видел я.

Кажется, я начал понимать. Он с детства не осознавал, что его мир отличается от мира других людей. Если человек видит красный цвет как синий, то для него яблоко всегда будет синим. Когда ему скажут, что этот цвет называется красным, он будет нормально общаться, но никто не узнает, что в его сознании этот цвет — синий.

По словам Златовласого, его мир до четырёх лет был хаосом. Он не мог толком объяснить, что это было; воспоминания стёрлись, но ощущение опасности навсегда врезалось в его память.

— Представь, что ты живёшь в мире виртуальной реальности, — сказал он. — Вокруг лава и монстры, а твоя мать рыдает и не понимает, почему ты боишься ступить в эту лаву. С твоей точки зрения, это ведь естественно, не так ли?

После рождения сестры ему стало лучше.

— Я начал постепенно понимать, что многие вещи нереальны, и в то же время осознавать, что то, чего не видят они, не то чтобы не существует, а просто находится в другом пространстве-времени, — он внезапно дёрнул ногой. — С тех пор я понемногу пришёл в норму.

Он не забыл всё это, а просто научился отличать реальность от иллюзии, скрывать свои истинные реакции. Как и любой взрослый, он перестал показывать свои настоящие чувства.

— Но моя сестра исчезла, когда ей было пять, — ровно добавил парень. — За нашим домом был лес. На камерах наблюдения видно только, как она машет кому-то в сторону леса, а потом бежит туда. Она увидела там что-то, что позвало её.

— Мы пересматривали эту запись снова и снова, пытаюсь разобрать по губам, что она говорит. Оказалось, она звала меня.

На этих словах Чжоу Цзымо замолчал и взъерошил волосы. Выражение его лица было безразличным, даже более холодным, чем когда я получил ранение. Я понял, что спрашивать, нашлась ли сестра, бессмысленно. Ответ был очевиден.

Наверное, повзрослев, он и присоединился к профессору. Причина была более чем веской.

Я не знал, что сказать. Собеседник опустил голову и принялся вертеть в руках пачку прессованного печенья. Было неясно, переживает он или нет. Профессор молчал.

— ...надежда всё-таки есть, — пробормотал я. — Твоя сестра... то, что она исчезла, ещё не значит, что её нельзя найти.

Он поднял на меня взгляд, как на сумасшедшего.

— Она исчезла в пять лет. Прошло почти двадцать, — сказал он. — Я понимаю, ты хочешь меня утешить, но я присоединился к ним не из-за неё.

«Понятно, ты — бессердечный чурбан, — подумал я. — Лучше бы я молчал»

— Я здесь ради ответа. Ответа на вопрос, почему всё это происходит.

Сказав это, он откинулся на спинку стула, не собираясь ничего больше объяснять. Профессор, видимо, уже слышал эту историю и не выказал удивления.

А мне эта история показалась куда более трагичной, чем я ожидал. Я из тех, кого такие рассказы трогают до глубины души. Я невольно задумался о том, каким ужасным было его детство. Сначала все считали его сумасшедшим, а потом на него легла вина за исчезновение сестры. Хоть он и не был виноват напрямую, но ведь она звала его по имени. Всё это —

невидимый груз.

Так что и ему пришлось нелегко, верно?

Я знаю, что не должен его жалеть, ведь он сам выбрал этот путь. Но, наблюдая за языком его тела, за едва уловимыми изменениями в выражении лица, когда он говорил о сестре, мне кажется, что на самом деле ему не всё равно.

Ему не всё равно. Некоторые люди любят так себя истязать. Они снова и снова рассказывают о своих неловких или болезненных моментах, чтобы все вместе посмеялись или поплакали. Они используют это как наказание, раз за разом пережевывая свои ошибки и делая вид, что им наплевать. Но сам факт того, что он об этом говорит, уже доказывает, как это для него важно.

Конечно, это ужасный способ, но кто я такой, чтобы что-то ему говорить?

Мы перекинулись ещё парой ничего не значащих фраз. Действие обезболивающего, кажется, начало проходить. Рука заныла, а за ней и голова. Волны боли заставляли меня покрываться холодным потом. Стоило прикрыть глаза, как в висках начинало пульсировать, вызывая тошноту.

Профессор заметил моё состояние и дал мне две таблетки. Запивая их водой, я почувствовал, как в желудке всё переворачивается. Рвота не шла, но и подавить тошноту не получалось. Сидеть было невыносимо. Чэнь Сюань разложил походную кровать и велел мне лечь.

— Это предвестие приближения Паствы, — сказал он. Перед глазами у меня потемнело, и я не смог ничего ответить. Наверное, учёный обращался к Златовласому. — Он слишком чувствителен.

— Ещё лекарств? — это был голос Лэнса.

— Это повредит его мозг, — ответил Чэнь Сюань. — Больше нельзя.

Я пытался слушать их разговор, но боль была невыносимой. Болела голова, желудок, даже мышцы. Казалось, всё тело охватил приступ гастроэнтерита. Каждая жила, каждая кость словно скручивалась в тугий узел, заставляя меня издавать тихие, жалкие стоны.

Старина Чэнь сжал мою руку, и это простое прикосновение подарило толику спокойствия. Я смутно видел, как шевелятся его губы, но не разбирал слов. Его рука была горячеей, а моя — ледяной и дрожащей. Постепенно тепло начало передаваться и мне.

Златовласый протянул мне влажное полотенце и помог приложить его к глазам. У меня не было сил, и ткань начала соскальзывать, но чья-то рука вернула её на место.

Прохладная влага немного облегчила страдания. Острая, убийственная боль сменилась тупой, терпимой. Я приоткрыл глаза и легонько коснулся руки профессора.

— Лучше? — спросил он.

Я кивнул, говорить не хотелось.

Он убрал полотенце и вытер пот с моего лба. Я повернул к нему голову, чтобы поблагодарить, но губы словно склеились, и я не смог издать ни звука.

— Ты хотя и очень чувствителен, но быстро адаптируешься, — сказал профессор Чэнь, всё ещё не отпуская моей руки. — Всего полчаса, а симптомы уже ослабли.

Чёрт, я думал, прошло всего несколько секунд. Неужели уже полчаса?

Всё казалось нереальным. Я посмотрел на часы Чэнь Сюаня, но он не понял моего намёка и наклонился, чтобы лучше меня расслышать. Циферблат снова скрылся. Я потянул мужчину за запястье, пытаюсь опустить его руку.

И тут я увидел человека, стоявшего у самого входа в палатку.

Мои зрачки, должно быть, сузились. Профессор тут же заметил мой испуг. Он и Златовласый обернулись в ту сторону.

Но они тут же повернулись обратно с недоумением на лицах, словно там никого не было.

— Что ты увидел? — спросил Лэнс. — Что там? Дверь? Или лестница?

Там не было ни двери, ни лестницы. Там был человек.

Странное, острое чувство заставило мой желудок сжаться.

— Кто ты? — услышал я собственный вопрос.

Это была... женщина. Она стояла в палатке, и я мог разглядеть лишь смутные очертания её глаз. Расплывчатый силуэт в длинном платье, идеально сливающийся с безграничной тьмой. Лишь кончики волос, похожие на щупальца какого-то животного, выделялись на этом фоне.

— Пора на поезд, — сказала она.

Её голос был и знакомым, и незнакомым одновременно. Я точно слышал его раньше, и это был не тот голос, что забываешь через минуту. Но сейчас я никак не мог вспомнить.

Какой поезд? О чём она говорит?

Не успел я спросить, как она заговорила снова.

— Судьба.

Она произнесла это ровным тоном, словно отвечая на мой вопрос. Но я не задавал этого вопроса.

Слово «судьба» оставило неприятный осадок. Мы с профессором много говорили об ответах, и «судьба» казалась худшим из них. Ты знаешь, что она может объяснить всё, но именно такого ответа ты и не хочешь.

— Вы не видите? — я вцепился в руку Чэнь Сюаня. — Там женщина...

Не успел я договорить, как профессор поднял голову. Я лежал, лишь слегка приподнявшись, и не сводил глаз с женщины. Я не заметил ничего другого, не почувствовал, что происходит у меня за спиной. Какая-то сила с невероятной скоростью ударила меня в спину. Я не успел среагировать. В одно мгновение я уже не лежал, а стоял.

Я не знаю, как это произошло, но я уже стоял на перроне вокзала.

Железнодорожный вокзал

Всё изменилось так быстро, что мозг не успел ничего осознать. Из ночной степи я в миг перенёсся на залитый солнцем перрон.

Я был в полном замешательстве. На мгновение мне показалось, что я очнулся от долгого сна, что всё пережитое до этого — лишь иллюзия, тягостный морок.

Во сне я прожил целую жизнь: меня воспитывала тётя, я лечился в больнице, попал в степь, встретил их... И вот, проснувшись, я сбросил с себя оболочку той несчастной жизни и стал тем, кем должен был быть в реальности.

В руке у меня был серебристый чемодан с чёрной ручкой. Жаркое солнце и тёплый ветер дули мне в лицо. Шумная, полная жизни толпа ворвалась в мои воспоминания, пробив в них брешь.

— Посадка на поезд... заканчивается. Пассажиров, не успевших занять свои места, просим поторопиться.

Я не расслышал номер поезда, но интуитивно понял, что это мой. Это была именно та поездка, которой я ждал.

— Судьба, — прошептал кто-то у меня над ухом.

Женский голос сменился мужским, а затем снова женским. Голоса метались в моей голове, но я не чувствовал тревоги. Наоборот, меня охватило чувство облегчения, словно я наконец отпустил всё.

Я шёл навстречу своей судьбе, своему предопределённому будущему, своему ясному ответу. Ответу, который я так искал.

Не сущность мира, не истина материи, не ответ на вопросы «откуда мы пришли» и «куда идём». В конечном счёте, главное отличие человека от других существ в том, что порой, зная лучший ответ, он выбирает худший.

Иногда мы отказываемся от очевидного ответа и передаём эту надежду другим. Подобно мотылькам, летящим на огонь, или муравьям, катящимся клубком в бурный поток, мы верим, что новая жизнь — единственный способ противостоять вечности.

У жертв и слёз есть своя причина. И как бы ни был бессмертен наш враг, пока мы рождаемся вновь и вновь, мы сможем противостоять смене дня и ночи, течению времён.

Я подошёл к вагону. Проводник протянул руку, помог мне поднять чемодан и втащил меня на ступеньки.

— Спасибо, — сказал я.

Я поднялся на две ступеньки, но передо мной был не вагон, а безмолвная, мёртвая тьма.

Я шагнул в неё.

«Линь Цзянхуай...» — услышал я её голос.

«Линь Цзянхуай...»

«Иди вперёд, всегда иди вперёд»

«Иди вперёд, и ты обязательно выйдешь»

«Помни своё имя, Линь Цзянхуай»

«Если бы я могла существовать... я бы хотела стать ветром. Ты бы не видел меня, но я бы всегда поддерживала тебя, была рядом, всегда, всегда...»

«Прости»

Её голос затих. Падая во тьму, я услышал дыхание.

Протяжное, медленное дыхание, как и много лет до этого, тихо раздалось у меня над ухом.

Я вспомнил.

Во время контакта я слышал именно этот голос. Она всё время повторяла моё имя, просила не забывать его.

Она говорила, что будет рядом, но не сдержала обещания.

Я наконец понял, откуда взялся тот звук дыхания. Он так долго мучил меня, и только сейчас я осознал правду.

То была не злоба. То было последнее, что оставил мне ушедший человек в качестве прощального дара. Воспоминание из утробы.

Медленное сердцебиение, протяжное дыхание, тепло и покой, которые я ощущал во время контакта, — всё это были неопровержимые доказательства, но я был слишком глуп, чтобы понять это раньше.

То был голос моей матери.

<http://bllate.org/book/13479/1691222>